

Все тише голос вдохновенья,
Неистовства огонь слабей.
И только мучают виденья
Давным-давно прошедших дней.

По ним я изредка тоскую,
Как по ушедшим в мир иной
Друзьям — немало на веку я
Их проводил. Но я ль виной?

Они ушли по доброй воле,
Хотя никто из них не зван.
И, одинок на всем застолье,
Пью за стаканом я стакан.

Не узнаю себя теперь я:
Я стал другим, я стал чужим.
И к будущему нет доверья,
И прошлым я не одержим.

Вокруг меня хмельно и дико
Раскинулся пустынный мир,
Заросший хищной повиликой —
В нем жалок всяческий кумир.

И не торя дороги к счастью,
Шарахаясь от пустоты,
Душа терзается под властью
Могущественной Суеты.

* * *

Верю всему, что будет,
Верю всему прошедшему.
Путь наш во мраке труден —
Слава его нашедшему!

Был он неоднократно
Потерею и находкою.
Голос надежды внятно
Звучал чуть печальной ноткою.

Снежные в тундре заносы,
Проселочная распутица,
Горных тропинок росы —
Было и снова сбудется.

Снова в моем эмпирее
Солнце незаходящее,
Ибо всего сильнее
Верю я в настоящее.

* * *

И у меня была надежда.
Но сожалеть ли об утрате?
Так для подросшего дитяти
мала уже его одежда.

Я разорвал ее на части
и бросил, как остатки пищи,
в помойку, где, быть может, нищий,
ее найдет себе на счастье.

Разгладит, высушит, сошьет,
продаст и денежки пропьет,
добром — не лихом — поминая

того, кто волею судеб
так поступил... Есть водка, хлеб,
ну что же, польза хоть такая.

* * *

Зачем ты меня отпустила?
Ведь я никуда не рвался,
Создатель нового стиля —
Смесь муки смертельной и вальса.

Я мог бы давно исчезнуть,
Но в схватке губ и объятий
Я был, как безумец, честным,
От радости этой спятив.

Теперь я вернуться силюсь,
Но робок, как иностранец.
А ты не щедра на милость,
Но всё же с тобой останусь.

Мы плохо друг друга знаем,
И заперты душ границы.
Любви не случится с нами,
Но что-то должно случиться.

* * *

К народу своему я приложусь,
И помянет меня родная Русь,
И поцелует в мертвые уста
У образа распятого Христа.

И стихнет сердце грустное мое,
Как в омут, погрузившись в забытьё,
В котором не сумею больше я
Припомнить боль былого бытия.

* * *

Надоело любить это дело —
На заброшенных кладбищах пить,
Ибо можно брренное тело
Лишь бессмертным духом кропить.

Это ты меня, Боже, создал.
Но зачем? Для чего? Почему?
Чтобы ночью смотреть, как звезды,
Догорая, летят во тьму?

Ничего я уже не знаю,
Я, казалось, постигший мир.
Дует смерти струя сквозная
Из лиловых вселенских дыр.

В этой жизни я вовсе не воин.
Что ты хочешь, небесная рать?
Но у Господа каждый волен
То, что по сердцу, выбирать.

КРУГОВОРОТ

Зачем ты вышла из воды,
к кому пришла любя?
Назад, к зачатию уведи
истлевшую себя.

Зачем, себя всю потроша
и видя свой скелет,
ликует вновь твоя душа,
как будто смерти нет?

Я в день последний оживу —
обрадуешься ты.
И будут падать в синеву
сгоревшие цветы.

И вновь покроется водой
твоя земная твердь,
и будет плакать под тобой
раздавленная смерть.

Жизнь — сплошное ожидание.
Это благо или зло,
Если всё произошло —
И блаженство, и страдание?

Но за этими пределами
Дали новые встают.
И шагами оробелыми
Покидаем мы приют,

Где сплошное ожидание
Всеми — всякого, всего...
В этом — всё благодеяние
Жизни. Больше — ничего...

* * *

Я водку пью, а ты игристое.
Меж нами нету тождества.
Ты недоступна, словно истина,
Я вмятен, как ничтожество.

Но ты, судьбы узнав предательство,
Живешь с душой издерганной,
Как будто рукопись издательство
Вернуло всю исчерканной.

А в том издательстве редактором
Сижу я, как в разливочной,
Хоть меж анапестом и дактилем
Не вижу я различия.

Пусть мы живем с тобой по-разному —
В любви не видим выгоды,
То безнадежно труса празднуя,
То смельчаками выглядя.

И вместе нам свободней дышится,
Хоть думаем мы в панике:
Любовь исчезнет, словно ижица,
Из алфавита памяти.

И может быть, напрасно в горе я
Пью вплоть до третьих кочетов,
И эта странная история
Вовеки не закончится.

* * *

Рыжие горы Абхазии,
снег на далеких хребтах.
Теплая зимняя Азия
вкусом хурмы на губах.

Мне по-весеннему весело
чувствовать это тепло.
Пальма одежды развесила,
нежа зеленую плоть.

И на безлиственных веточках
ярко алеет хурма.
Что за немыслимый свет в очах
мне подарила зима?

Не ледяная, не снежная
в думах о прошлом печаль,
а удивительно нежная,
словно открытая даль.

Может, мы больше не встретимся,
но, чтобы память сберечь,
помни, продутая ветром вся,
ты мою русскую речь.

* * *

Одно, одно я знаю точно:
пускай, как белка в колесе,
кручусь, пускай порою тошно, -
я не такой же, как и все.

Душа моя стремится к выси,
ей надоело на земле,
где человек подобен крысе,
что воровски снует во мгле.

Да, я желаю больше света,
простора, воздуха... Но что
мне делать дальше в жизни этой,
дырявой, словно решето,

где, будь ты даже смелый, дерзкий,
в себе уверенный всегда,
ты исчезаешь без задержки,
без остановки и следа?

И остается только веру
нести на согнутых плечах,
земли вдыхая смрад и серу,
с огнем, тускнеющим в очах.

* * *

Не спится... Полвторого...
На снег ложатся тени
От месяца большого
Домов, оград, растений.

И все так неподвижно,
Так сонно и волшебно.
Душа — как будто хижина,
В которой жил отшельник.

И, как морозный воздух,
Вдыхаю полной грудью
В сверканье льдинок острых —
Безмолвье и безлюдье.

* * *

Нет никакой закономерности
В том, что должно произойти.
Ведут от веры к суеверности
Исповедимые пути.

Но, не имея доказательства
Того, что ведомо душе,
Из преданности и предательства
Не изготавливай клише.

В случайности и неизбежности
Навряд ли общее найдешь.
Нас Бог карает по небрежности
И осчастлиливливает тож.

Когда становится потерей
Твоя последняя любовь,
Не потеряй к судьбе доверия
И все ж ее не славословь.

* * *

Холодное море в Кашкайше,
Невиданных красок цветы,
Веселье беспечное наше —
Ты помнишь ли, помнишь ли ты?

Не десять ли зим промелькнуло,
Как снежный заряд за окном?
Мы вышли давно из загула,
Который любовью зовем.

И ветер Атлантики резвый
Уже овекает не нас.
Но разве мы сухи и трезвы?
Но разве мертвы мы сейчас?

И как отраженье России,
Владеют по-прежнему мной
И тихие воды донские,
И бешеный ветер степной.

* * *

Как ни трудись, как спину ни горбь,
Есть лишь одно — мировая скорбь.

Как ни смотри с надеждою вдаль,
Есть ли одно — мировая печаль.

Молча твердят былые века:
«Есть лишь одно — мировая тоска».